
**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН ДӘСТҮРЛІ ДІН ӨКІЛДЕРІ
РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДУХОВЕНСТВА В КАЗАХСТАНЕ
REPRESSED REPRESENTATIVES OF THE CLERGY IN KAZAKHSTAN**

ГТАХР 03.20.00.

**ҚАЗАҚСТАННЫҢ МӘДЕНИГЕНЕЗІ МЕН ПОЛИТОГЕНЕЗІНДЕГІ
"ДАЛА" ИШАНДАРЫНЫҢ ОРНЫ МЕН РӨЛІН ҚАЙТА ҚАРАУ**

Г.К. Мұқанова

**Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, жетекші ғылыми
қызметкер, Қазақстан, Алматы қ.**

***Автор-корреспондент**

Gulnar_mukanova@mail.ru

Аннотация. Мақала аз зерттелген мәселеге және оны жаңа әдіснамалық тұрғыдан заманауи талқылауға арналады. Қазақ қоғамының санаттарының бірі рухани білімі мен халықтық әдістермен емдеу дағдылары бар емшілер болды. Дала аймақтарында бола отырып, жаңа процестерді бақылай отырып, олар ХІХ – ХХ ғасырдың басындағы шекара және округ басшыларының қызметін батыл сынға алды және олардың беделді пікірлері ұжымдық пікірдің көрінісі болды. Мақала Ресей архивтерінің материалдарына, революцияға дейінгі жарияланымдар мен баспасөз материалдарына негізделген. Зерттеудің мақсаты сол хронологиялық кезеңде әртүрлі геосаяси векторлардың әсер ету объектілері болып табылған, бірақ автохтонды халықтың орнықты өзін-өзі сәйкестендіруін қамтамасыз етуге күш салған қазақ емшілері қызметінің саяси аспектілерін қайта жаңғырту болып табылады.

Кеңестік кезеңде ишандарды қудалау және қудалау тәжірибесі қайталанды, бірақ қазірдің өзінде зорлық-зомбылық, қуғын-сүргін, атыс, дінге қарсы үгіт-насихат, мүлікті тәркілеу (вакуфтық жерлер, мешіттер мен медреселер) және ишандар мен олардың отбасы мүшелерінің мәжбүрлі көші-қоны мен эмиграциясы болды.

Кілт сөздер: империя, қазақтар, қуғын-сүргін, Дала, уез, Ақмола, Семей облыстары, емшілік, мәдени Генезис.

МРНТИ 03.20.00.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ «СТЕПНЫХ» ИШАНОВ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ И ПОЛИТОГЕНЕЗЕ КАЗАХСТАНА

Г.К. Муканова

**Институт Истории и Этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, кандидат
исторических наук, профессор, ВНС, Казахстан, г. Алматы**

***Автор-корреспондент**

Gulnar_mukanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученному вопросу и современной его интерпретации с новых методологических позиций. Одной из категорий казахского общества были целители, имевшие духовное образование и навыки врачевания народными методами. Находясь в степных областях, наблюдая новые процессы, они смело подвергали критике деятельность пограничного и уездного начальства на протяжении XIX – начала XX вв., и их авторитетное мнение было выражением коллективного мнения. Статья основана на материалах российских архивов, материалах дореволюционных публикаций и прессы. Исследование имеет целью реконструкцию политических аспектов деятельности казахских целителей, оказавшихся в тот хронологический период объектами воздействия разных геополитических векторов, но приложивших усилия для обеспечения устойчивой самоидентификации автохтонного населения.

В советский период практика гонений и преследований ишанов повторилась, но уже сопровождалась насилием, репрессиями, расстрелами, антирелигиозной пропагандой, конфискацией имущества (вакуфных земель, мечетей и медресе), и вынужденной миграцией и эмиграцией ишанов и членов их семей.

Ключевые слова: империя, казахи, репрессии, степь, уезд, Акмолинская, Семипалатинская области, целительство, культурогенез.

IRSTI 03.20.00.

RETHINKING THE PLACE AND ROLE OF THE "STEPPE" ISHAN IN THE CULTURAL AND POLITICAL GENESIS OF KAZAKHSTAN

G.K. Mukanova

*** Corresponding author**

Gulnar_mukanova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a little-studied issue and its modern interpretation from new methodological positions. One of the categories of Kazakh society were healers who had spiritual education and healing skills using traditional methods. Being in the steppe regions, observing new processes, they boldly criticized the activities of the border and county authorities throughout the nineteenth and early twentieth centuries, and their authoritative opinion was an expression of collective opinion. The article is based on materials from Russian archives, materials from pre-revolutionary publications and the press. The research aims to reconstruct the political aspects of the activities of Kazakh healers, who found themselves in that chronological period the objects of influence of different geopolitical vectors, but who made efforts to ensure the stable self-identification of the indigenous population.

During the Soviet period, the practice of persecution and persecution of Ishaans was repeated, but was already accompanied by violence, repression, shootings, anti-religious propaganda, confiscation of property (waqf lands, mosques and madrasahs), and forced migration and emigration of Ishaans and their family members.

Keywords: empire, Kazakhs, repression, steppe, county, Akmola, Semipalatinsk regions, healing, cultural genesis

Казахское ханство на протяжении своего существования вынуждено было отражать атаки агрессивных военных формирований по преиметру своих протяженных границ. Соответственно, батыры, сардары, даже султаны и ханы получали увечья, колотые и резаные раны, переломы суставов, страдали от кровопотерь, - и им всем требовалась медицинская помощь. При отрядах конников неизбежно находился целитель, готовивший при необходимости снадобья на основе трав, корневищ и даже яда пресмыкающихся. Ханский совет включал аналогичную единицу, - личного ханского лекаря (емші). Собственно, в устном казахском наследии, фольклоре такие упоминания о целителях были нередки.

В дореволюционных исторических записках, очерках, донесениях о так называемом «степном», «киргизском» целительстве, проявления которого фиксировали российские пограничные власти, путешественники, казахи и крестьянские начальники, примерно с первой четверти XIX века по начало XX вв., было высказано немало негативных характеристик. Свою «лепту» в эти нелестные высказывания внесли и христианские священнослужители, миссионеры. К примеру, они прямо заявляли казахам степных областей, что только обращение к высшим силам и учению Иисуса, а не к «аулие», окажется действенным в борьбе с заболеваниями, все прочее – от дьявола, ересь и т.п. [1, с. 116] Иными словами, в степном пространстве в указанных хронологических рамках шло необъявленное противостояние христианской и мусульманской идеологием, население уездов степных областей невольно приводилось к однозначному выбору: либо – в храм, либо – анафема (проклятие, выносимое публично) и последующие притеснения по религиозному признаку.

Фото 1. Бақсы с кобызом.
[Photo 1. Baksy with kobyz]

Дореволюционная и советская историография обозначила единые подходы к освещению данного вопроса, удивительным образом совпавшие в том, что казахские, башкирские и ногайские целители, знахари, костоправы, знатоки трав и все, кто обладал даром излечения страждущих, были отнесены к «фанатикам», «лже-пророкам», «панисламистам», и проч. Так, целостное явление было вынесено в разряд оккультных, ему не давалась объективная научная оценка. Те же, кто пытался выразить иной взгляд на народных целителей, априори объявлялись лжеучеными. Этнические и лингвистические и географические составляющие степного целительства как процесса, как социально-культурного явления, в силу выше указанных ограничений, не были систематизированы.

Между тем, известный этнограф А.А.Диваев [2], Г.Н. Потанин, Ч.Ч.Валиханов [3] оставили ценные записи и публикации о баксы, «шаманах», знахарях, о которых среди тюркских народов Сибири, Казахстана и Средней Азии распространялись легенды [4]. Диваев организовал фотосъемки баксы из южных регионов Казахстана, в его время это стало возможным только в Ташкенте. Современные исследователи научного наследия Шокана Валиханова отмечают его интерес к таким историческим личностям среди целителей, как «наиболее выдающиеся баксы Койлубай и Балакай» [5, с. 76].

В начале XX столетия имя Койлыбая обессмертил в своей поэме казахский поэт Магжан Бекенович Жумабаев. Его творение называется «Қойлыбайдың қобызы» и погружает слушателей в полумистическую историю степной байги и камланий Койлыбая. Эти и другие художественные произведения запечатлели чувства казахов и соседних народов при встрече с миром магии.

Авторы записок, отчетов, из числа европейских и русских путешественников XIX – начала XX в., так же пренебрежительно и поверхностно отзываются о степных лекарях (Андреев, Левшин, Баль, др.), недооценивая их вклад в сохранение поголовья скота у казахов и излечение распространенных у степняков простудных, опорно-двигательной системы и кожных заболеваний. В то же время, к примеру, известный педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин в своих трудах рекомендовал обучать подростков основам ветеринарии, правильного обращения с животными; его методика была основана на этнографическом материале. Алтынсарин абсолютно правильно полагал, что казахские учащиеся, обучаясь в «русско-киргизской» школе и проживая в интернате, не должны потерять связь с традиционным хозяйственно-культурным типом. Напротив, учащихся важно приобщать к навыкам кочевого быта, знаниям природы, что было единственно правильным при воспитании личности ученика без утери этнокультурной идентичности [6, с. 139].

Данные о специфике и лечебных свойствах определенных видов растений были известны и передавались в казахском сообществе устно, формировались семейные (потомственные) династии целителей. Знания окружающей среды становились основой для целительской практики, будучи закреплены теми теоретическими знаниями, которые особо одаренные молодые казахи получали в духовных центрах (медресе) Бухары, Хивы и Самарканда. Исторические свидетельства о разработанном Отеубойдаком Тлеукабылулы фундаментальном справочнике XV века о целительных свойствах степных растений, с одобрения хана Джанибека, лишней раз подтверждают мнение о том, что казахские степные знатоки успешно использовали подручные средства для излечения страждущих. Этнографические разработки ученых-историков XIX и XX столетия (Ч.Валиханов, А. Маргулан, Е. Бекмаханов, М. Муканов, Х. Аргынбаев и др.) весьма близко подводят к данному выводу.

Как было отмечено вначале, в силу господствовавшей коммунистической идеологии, большинство исследователей-гуманитариев вынуждены были определять практику казахского степного целительства в насмешливом, псевдо-критическом тоне как «шаманство», «лже-лечение», «невежество» и проч. Историко-культурные и социально-политические аспекты темы казахского целительства приходилось «прятать» в этнографических очерках и преподносить тему как архаичную.

Реалии жизни степняков между тем демонстрировали действительную пользу целителей в повседневности: казашкам-роженицам оказывали помощь женщины более старшего возраста, которые были признаваемы за свои умения и владели навыками вспоможения [7, с. 62-63]. Зубную боль снимали, лечили мелкие травмы, простудные заболевания лица, имевшие опыт врачевания с помощью трав, снадобий, вытяжек из растений и проч. Лица, умевшие лечить заболевания опорно-двигательного аппарата, как правило, наследовали дар от старших в роду, их называли «сынықшы». Секреты врачевания хранились втайне, чтобы не подвергать их носителей воздействию недобрых людей. Как бы ни воспринимали целителей, однако их манипуляции оказывали позитивное воздействие; психосоматические боли, страхи, недомогания снимались посредством определенных сеансов.

Особенности и достижения народной медицины были широко известны казахам, но поскольку внешняя среда в условиях присутствия в степи колониальной администрации и миссионеров была недоброжелательной, носители целительства предпочитали откочевывать в южном направлении, подальше от пограничной межи, в глубь песков, в малодоступные места. То есть, происходила неприметная миграция, вызванная политическими факторами, - при том, что целительство, медицина в степных областях после реформы 1868, 1891 годов стали вытесняться так называемой «казачьей» и «крестьянской» медициной, стационарными фельдшерскими пунктами. Все инакомыслящие, в том числе служители мечетей и их помощники при медресе под разными предлогами лишались права высказывать коллективные протесты. Так, в 1905 году были одновременно сосланы в Иркутск мулла-хазрет из Кокчетава Науан Таласов и в Якутию – его помощник, Шаймерден Косшыгулов, - последний был автором запросов против потока переселенцев в степь [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1903 г. Д. 85. Л. 1-5]. Эти обстоятельства безусловно политизировали обстановку в степи, а гонения на лидеров общественного мнения вызывали встречные протесты; по «делу» кокчетавских ссыльных были организованы несколько петиций, а специальная делегация из числа их земляков добралась до Санкт-Петербурга, где обивала пороги Министерства внутренних дел и в конце концов добилась возвращения муллы и его помощника [РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 953. Л. 2-5]. Авторитет духовных лиц среди казахов степных областей оказался беспрецедентным; так, петиции за освобождение кокчетавцев подписали представители «Еременской и Коржункульской волостей Акмолинской области; а также Мукурской, Чингизской,

Бугулинской, Чаганской и Кызыл-Адырской волостей Семипалатинского уезда Семипалатинской области [РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 953. Л. 1]. Косвенно эти факты свидетельствуют и в пользу роста самосознания степняков, в целом, и – о четком понимании ими роли и значения для сообщества просвещенных и активных защитников сородичей, в частности.

Данный аспект вовсе выпал из поля зрения исследователей, тогда как архивные источники отражают тот факт, что в контексте англо-российского соперничества в Центральной Азии в это противостояние невольно были втянуты те социальные категории восточных, в том числе казахского, обществ, которые были способны выразить коллективный протест по поводу отъема земель и ущемления прав степняков (Марал ишан Курманов, например). О вынужденной миграции казахских родов Жыландинской и Ногайской волостей в направлении Афганистана, с намерением перейти далее в Индию с тревогой писал корреспондент газеты «Приишимье» в 1913 году [8].

Редкие позитивные отзывы иноземных путешественников и официальных лиц из пограничной и уездной администрации о народных методах лечения тонули в общей массе критических, едких и порой насмешливых оценках целительства. Маятник оценок не только не обретал устойчивости, напротив, - все больше смещался лишь в сторону демонизации явления; даже те музыкальные приспособления (инструментарий) целителей, которые использовались для введения в транс больного или лечащего, - кобыз, разного рода ударные приспособления, в частности, зафиксированные на фотографиях А.Диваевым [2, с. 305-306], также объявлялись греховными, хотя аналогичные методики целительства к примеру в Монголии в настоящее время становятся объектом научного обобщения в западных центрах [9].

К сожалению, еще не до конца введены в научный оборот взгляды на целительство передовой национальной интеллигенции Алаш, тогда как сами алашевцы застали этап применения методов народной степной медицины и имели об этой практике вполне состоявшееся представление. Так, к примеру, в 1920-е годы оренбургское и семипалатинское ученое сообщество проявляло интерес к теме; И. Чеканинский делал доклад о казахских баксы на заседаниях [10, с. 79].

Таким образом, просвещенная категория казахского общества, как целители, обладая теоретическими фундаментальными знаниями в области географии, истории, культуры, шежіре (устной степной историологии), осознанно шла к сородичам, выполняя возложенную на них миссию. Миссия их может быть рассмотрена, как минимум, в трех позициях: а) вера, носители мусульманского учения; проповедники; б) целительство; и в) согласно внешним обстоятельствам, степным целителям были в определенной степени понятны политические (геополитические) векторы, и тогда они становились духовными вожаками, воспроизводя в своих письменных и устных обращениях закономерные возмущения и протесты сородичей.

Эти и другие предварительные аспекты изучения вопроса о степных целителях Казахстана XIX – начала XX вв. призваны обратить внимание профессиональных историков, этнологов, антропологов, специализирующихся на комплексном исследовании Центральной Азии, на необходимость более тщательного изучения обозначенной проблемы, на базе междисциплинарных подходов и современных методов. В частности, тема степных целителей замечательно может быть раскрыта в русле исторической персонологии, этнографии и философии, в плане фактологического наполнения теоретических разработок по проблеме самоидентификации.

P.S. Пока готовилась эта статья, были обнаружены новые источники, которые раскрывают идентификацию темы ишанов в ранний советский период. Интересный факт обнаружен автором статьи в ходе экспедиции 2024 года, в Алматы, в семейном архиве потомков Марал ишана. Источник, или отпечатанный на бумаге машинописный текст, шрифт фиолетового цвета, составлен был на русском языке. Документ датируется согласно его содержанию, 4 ноября 1929 года и представляет собой копию письма в Правление Общества изучения Казахстана от вдовы исследователя-энтузиаста, краеведа Рязанова Александра Федоровича (1879-1929). Его труды о Срыме батыре и Кенесары Касымове более известны специалистам, нежели рукопись об ишане.

В письме вдовы Рязанова, посвященном истребованию от Общества части обещанного ее мужу гонорара за рукописи по истории Оренбургского края, в числе других рукописей Рязанова, указан труд под названием «Марал Ишан» объемом 16 страниц (Полевые, 2024). Предположительно, вдова Рязанова обратилась в правление Общества.

Рязанов А.Ф. родился в станице Степной Оренбургской губернии, в семье рядового казака. В 1902 году окончил Оренбургское юнкерское училище. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, дослужился до чина войскового старшины. После Февральской революции 1917 года - один из организаторов и руководителей Оренбургского Совета казачьих депутатов. В 1917-1918 годы - редактор газеты «Оренбургский казачий вестник».

В октябре 1919 года перешел на сторону Советской власти. В 1920 году сдал экзамен на звание штатного преподавателя вузов Красной Армии, работал на Оренбургских кавалерийских курсах (позднее - 3-я кавшкола комсостава РККА) помощником командира дивизиона, преподавателем тактики, начальником учебной части. С февраля 1923 года ответственный секретарь Окружного общества изучения Киркчая, с июля 1924 года - научный сотрудник Центрархива Казахстана, а с переносом столицы Казахстана из Оренбурга - сотрудник Оренбургского губархива.

В духе эпохи, в центре научных интересов - национально-освободительное движение казахского народа. Рязанов один из первых в советское время занялся разработкой вопросов истории г. Оренбурга,

Оренбургского края. На основе материалов Оренбургского архива за 4 года было написано около 20 достаточно крупных работ по разной проблематике. Часть из них была опубликована в оренбургских периодических изданиях - «Трудах общества изучения Киргизского края», «Советская Киргизия», «Вестник просвещенца» и др. Более половины работ А.Ф. Рязанова остались неопубликованными.

Сам он также стал объектом репрессий. В 1927 году Рязанов уволен из архива как «неблагонадежный», состоял на учете ОГПУ. Переехал в Кызыл-Орду, затем в Алма-Ату, где работал сотрудником республиканского краеведческого музея. Тяжело заболев, вернулся в Оренбург. Умер 6 апреля 1929 года.

Ниже мы приводим источник, для того чтобы те, кто интересуется темой ишанов, могли убедиться в том, что переговоры шли всерьез, а рукопись Рязанова существовала в действительности.

Приложение 1.

В Правление Общества изучения Казахстана.
Входящий № 1124 от 4 ноября 1929 года.

Одновременно с сим почтовой посылкой на имя тов. Чудинова Д.К. высылаю III-ю и последнюю часть труда моего покойного мужа А.Ф. Рязанова «Восстание Султана Кенесары Касымова» (117стр.). /II часть была передана лично мной тов. Горяеву для т. Чудинова/.

Итак, трудная работа – переписка с рукописи – закончена.

Всего труд содержит:

I-я часть – 165 стр.

II-я часть – 251 стр.

III-я часть – 117 стр.

Всего - 513 стр., или примерно, как предполагал покойный, 30 печатных листов.

Кроме того, Обществом принято в печать еще 3 небольших труда:

1. «Тридцать лет борьбы за независимость казахского народа».....63 стр.
2. «Марал Ишан».....16 стр.
3. «Котел Хабардина».....6 стр.

Всего – 85 стр., или примерно 5 печатных листов.

ИТОГО около 35 печатных листов.

Считая 100 руб. за печатный лист /как рассчитывало Общество по Изучению Башкирии за труд покойного «Салават Юлаев»/, заключив договор со мной и выдав 75% с окончательным расчетом по изданию труда. /всего, за вычетом 500 руб. аванса, причитается 3000 руб.

Если Общество не найдет возможным сразу уплатить мне всю сумму /как сообщалось в апреле месяце/, то прошу выслать 75%, учинив окончательный расчет по изданию». [Полевые, 2024]

Какие выводы следуют из самого факта обнаружения источника и первоначального изучения его содержания?

1. Таким образом, данный артефакт, сохранившийся в семейном архиве потомков ишанов Казахстана, указывает на интерес раннего советского периода исследователей, краеведов, к теме, которая еще не была «табу», а роль ишанов излагалась как позитивная, в контексте организации ими антиколониальной борьбы.

2. Упомянутые в письме персоналии требуют расшифровки, какое же отношение они могли иметь к изданию исторических трудов А.Ф.Рязанова о казахских лидерах, руководителях массовых движений XIX века? Например, Чукдинов, работал в Госплане и именно ему отправила посылку с переписанными ею собственноручно, рукописями покойного мужа, вдова Рязанова, как она указывает в письме от 4 ноября 1929 года. По данной личности удалось выяснить не очень много, хотя и эти сведения косвенно раскрывают причастность Чудинова к процессу издания трудов оренбургского краеведа-историка. В письме указаны инициалы Чудинова «Д.К.», что отменяет всякие сомнения относительно правильности результатов нашего поиска.

3. В итоге составлена персональная справка (интегрированная из различных справочных источников):

Чудинов Дмитрий Константинович (1894-1937) – уроженец г. Иркутск, организатор народного образования в Западной Сибири, Москве. Большевик, член РКП(б) с 1919 года. Окончил Иркутскую партшколу (1920), был направлен в Омск в Урало-Сибирскую партшколу ЦК РКП(б). Зав. отделом народного образования при Сибревкоме (11.1920 - осень 1924 гг.); в г. Новониколаевск с 1923 года с единомышленниками издавал "Сибирский педагогический журнал" (позже переименован в "Просвещение Сибири"). Зав. педтехникумом Наркомпроса РСФСР, г. Москва (?-1928 гг.); В КазССР работал в Госплане (1928-1929), совмещая работу в качестве редактора журнала «Народное хозяйство Казахстана». Член оргбюро от ЦСНХ по созыву Всеказахстанского краеведческого съезда (10.1929). С декабря 1929 года выехал из Казахстана, работал в Новосибирске, Томске, Якутии. Последняя должность - директор школы (станция Ново-Покровская Азово-Черноморского края), где и был 9 августа 1936 г. арестован органами НКВД по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 7 марта 1937 г. ВМН, расстрелян. Реабилитирован в 1967 г. [Новосибирском, с. 324 – 325]; [CentrAsia]

4. Как нам представляется, к основной работе Госплана Казахской республики труды по истории Оренбургского края не имели прямого отношения, соответственно, вдова Рязанова самолично передала вторую часть рукописей мужа, Чудинову, поскольку последний в 1929 году был Член

оргбюро от ЦСНХ по созыву Всеказахстанского краеведческого съезда. Однако в декабре того же 1929 года он увольняется с Госплана и покидает республику. Где рукопись «Марал Ишан» Рязанова, увез ли он ее с собой? Оставил на рабочем месте в Госплане и какова ее дальнейшая судьба? Кому-либо передал ее для публикации? В какое издание: казахстанское или российское? Вопросы пока остаются без ответа....

5. Как следует из письма вдовы Рязанова, содержание рукописей 1-3 части ее супруга касались истории восстания султана Кенесары Касымова. Мог ли Чудинов быть адресатом (получателем) от вдовы предыдущих рукописей, в числе которых упоминается 16-страничный труд Рязанова «Марал Ишан», также остается неизвестным.

6. Деятельность Общества изучения Казахстана, его алматинского филиала, требует углубленного изучения, на предмет реконструкции «маршрута» авторских рукописей, в их числе – ценного труда А.Рязанова «Марал Ишан».

7. Тема ишанов и их миссии в культурогенезе Казахстана и Центральной Азии в целом, до конца не изучена, а о политической их роли в протестных движениях, вообще составляет «белое пятно» историографии. Незаслуженно репрессированная категория, точнее, подкатегория.

Источники и литература:

1. Садвокасова З. Т. Миссионерская деятельность среди раскольников в Казахстане (вторая половина XIX - начало XX века) // Вестник Ивановского ГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 113-122.

2. Диваев А. А. Из области киргизских верований. *Баксы* как лекарь и колдун: Этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XV. Вып. 3. Казань, 1899. 307-341.

3. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. / отв. ред. А. Х. Маргулан. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.

4. Диваев А.А. Баксы // Этнографическое обозрение. 1907. № 4. М., 1908. С. 123-125.

5. Москвина В.А. Фольклорные материалы в творчестве Валиханова // Гуманитарные исследования. 2017. № 1(14). С. 75 – 78.

6. Муканова Г.К. «Иманыңыз болсын жолдас» архивные источники о неизвестном И. Алтынсарине // Вестник КазНУ (серия историческая). 2019. № 92 (1). С. 133-145.

7. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов: (XIX - нач. XX вв.). Алматы: Гылым, 1991. 214 с.

8. Наймит. К киргизскому вопросу (Письмо из степи) // Приишимье. 1913. Марта 28. № 40.

9. Turner, Kevin B. Sky Shamans of Mongolia: Meetings with Remarkable Healers North Atlantic Books, 2016. 248 p.
10. Чеканинский И.А. «Баксылык». Следы древних верований казахов // Записки Семипалатинского отделения общества изучения Казахстана. Семипалатинск, 1929. Т. 1. Вып. 18. С. 79.
11. РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.
12. Полевые, 2024 – Полевые материалы, собранные Г.Мукановой в ходе экспедиций по Республике Казахстан.
13. Новосибирском связанные судьбы. Тематический путеводитель по документам личного характера, фондам личного происхождения и коллекциям Государственного архива Новосибирской области Новосибирск 2014, с. 324 – 325.
14. CentrAsia. <https://centrasia.org/person.php?st=1130087766>

References

1. Sadvokasova Z. T. Missionerskaya deyatel'nost' sredi raskol'nikov v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX - nachalo XX veka) [Missionary activity among dissenters in Kazakhstan (the second half of the XIX - the beginning of the XX century)] // Vestnik Ivanovskogo GU. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2022. № 1. P. 113-122. (in Rus.)
2. Divaev A. A. Iz oblasti kirgizskikh verovaniy. Baksy kak lekar' i koldun: Etnograficheskii ocherk [From the field of Kyrgyz beliefs. Bucks as a Healer and a sorcerer: An Ethnographic Essay] // Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Vol. XV. Iss. 3. Kazan', 1899. Pp. 307-341. (in Rus.)
3. Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochinenii : v 5 t. / otv. red. A. Kh. Margulan. T. 1. [Collected works: in 5 volumes / ed. by A. H. Margulan. Vol. 1.] Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1984. 432 p. (in Rus.)
4. Divaev A.A. Baksy [Bucks] // Etnograficheskoe obozrenie. 1907. № 4. M., 1908. Pp. 123-125. (in Rus.)
5. Moskvina V.A. Fol'klornye materialy v tvorchestve Valikhanova [Folklore materials in the works of Valikhanov] // Gumanitarnye issledovaniya. 2017. № 1(14). Pp. 75 – 78. (in Rus.)
6. Mukanova G.K. «Imanyh bolsyn zholdas» arkhivnye istochniki o neizvestnom I. Altynsarine ["Imanyh bolsyn zholdas" archival sources about the unknown I. Altynsarin] // Vestnik KazNU (seriya istoricheskaya). 2019. № 92 (1). Pp. 133-145. (in Rus.)
7. Toleubaev A.T. Relikty doislamskikh verovaniy v semeinoi obryadnosti kazakhov: (XIX - nach. XX vv.) [Relics of pre-Islamic beliefs in the family rituals of the Kazakhs: (XIX - beginning. XX centuries.)]. Almaty: Gylym, 1991. 214 p. (in Rus.)

8. Naimit. K kirgizskomu voprosu (Pis'mo iz stepi) [On the Kyrgyz issue (Letter from the Steppe)] // Priishim'e. 1913. Marta 28. № 40. (in Rus.)
9. Turner, Kevin B. Sky Shamans of Mongolia: Meetings with Remarkable Healers North Atlantic Books, 2016. 248 p.
10. Chekaninskii I.A. «Baksylyk». Sledy drevnikh verovanii kazakhov ["Baksylyk". Traces of ancient Kazakh beliefs] // Zapiski Semipalatinskogo otdeleniya obshchestva izucheniya Kazakhstana. Semipalatinsk, 1929. T. 1. Iss. 18. P. 79. (in Rus.)
11. RGIA – Russian State Historical Archive, St. Petersburg.
12. Polevye materialy, sobrannye G.Mukanovoi v khode ekspeditsii po Respublike Kazakhstan.
13. Novosibirskom svyazannye sud'by. Tematicheskii putevoditel' po dokumentam lichnogo kharaktera, fondam lichnogo proiskhozhdeniya i kollektsiyam Gosudarstvennogo arkhiva Novosibirskoi oblasti [Novosibirsk linked destinies. A thematic guide to personal documents, funds of personal origin and collections of the State Archive of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, 2014. P. 324 – 325. (in Rus.)
14. CentrAsia. <https://centrasia.org/person.php?st=1130087766> (in Rus.)

*Фото взяты из Интернет-источников.
